УДК 81’33
DOI 10.17516/2311-3499-085

СЛОВА КАК ЗАЩИТНЫЕ МАСКИ ЭМОЦИЙ

Н.Г. Солодовникова

В лингвоэкологическом аспекте переосмысляется разработанное эмотиологией соотношение эмоций и слов. Анализируются типы их взаимодействия, реализующие защитную функцию слов, служащих масками для эмоций. Раскрывается суть метафоры «эмоциональные маски».
Обосновывается эмотивный подход к лингвоэкологии. Уточняется понимание понятий экологичности, экологии эмоций, эмотивной лингвоэкологии. Постулируется экологичность использования слов как защитных масок эмоций.
Аргументируется, почему метод эмотивного анализа является тонким и надёжным инструментом в работе с эмоциональными масками. Приводятся примеры текстов, демонстрирующих проявление эмоциональных масок. Осуществляется их эмотивный анализ. Подчёркивается методологическая значимость эмотиологии для лингвоэкологии.
Приводятся примеры лексических эмотивов, выступающих защитными масками для определённых эмоций, которые испытываются, но не выражаются. Уточняется, из каких вербально выраженных эмоций могут состоять эмоциональные маски.
Обосновывается мотивация обращения к эмоциональным маскам в общении. Подчёркивается право общающихся на выбор эмоциональных масок. Уточняется, что природа эмоций реактивна, а зона лингвоэкологической ответственности общающихся в эмоциональных ситуациях начинается на уровне выражения эмоций, и, в частности, с помощью лексических эмотивов. Допускается, что основной функцией маски является не притворство, а защита. Предлагается считать использование эмоциональных масок лингвоэкологичной формой общения.
Ключевые слова и фразы: *эмоции и слова; выражение эмоций; лексические эмотивы; слова – маски эмоций; защитная функция эмоциональных масок; экология эмоций; эмотивная лингвоэкология; лингвоэкологичность эмоционального / эмотивного общения.*

WORDS AS PROTECTIVE MASKS FOR EMOTIONS

N.G. Solodovnikova

In the aspect of linguoecology reinterpreted is interaction of emotions and words previously studied by emotiology. Examined are the types of such interaction that implement a protective function of words that serve as masks for emotions. The essence of the metaphor «emotional masks» is revealed.
The author justified the emotive approach to linguoecology, the understanding of the concepts of ecology, ecology of emotions, emotive linguoecology, the ecology of the use of words as protective masks for emotions.
It is also argued why the method of emotional analysis is a subtle and reliable tool in working with emotional masks. The examples of texts demonstrating the manifestation of emotional masks are given with emphasizing the methodological importance of emotiology for linguistic ecology.
The author gives the examples of lexical emotives acting as protective masks for certain emotions that are experienced but not expressed. It is specified from which of the verbally expressed emotions emotional masks can be formed.
The motivation of appealing to emotional masks in communication are explained. It is clarified the reactive nature of emotions, and that area of linguoecological responsibility of communicants in emotional situations begins at the level of expression and, in particular, through using lexical emotives. It is assumed that the main function of the mask is not to pretend, but to protect.

Keywords and phrases: *emotions and words; expression of emotions; lexical emotives; masks; emotive linguoecology; linguoecology of emotional communication.*

Успех отечественной лингвистики эмоций (эмотиологии) в области решения проблемы эмоций в языке сложно недооценить: убедительным и впечатляющим представляется список её достижений и перспектив. Подтверждением огромной любви к языку человеческих эмоций выступает невероятная по своему объёму библиотека публикаций как самого автора лингвистической теории эмоций [Шаховский 2008], так и его учеников и единомышленников в России и за её пределами (о волгоградской научной школе лингвистики эмоций см.: [Шаховский, Солодовникова 2017]).

Лингвистике эмоций принадлежит первенство в разработке непротиворечивого, логически обоснованного, перепроверяемого и наукоёмкого метода эмотивного анализа через лексико-семантическую категоризацию эмоций (их называние, описание и выражение, а также аффективы, коннотативы и потенциативы) (см. в этой связи ставшую уже классикой фундаментальную работу: [Шаховский 2019]).

Человек уже довольно давно признан *HomoSentiens*, а потому значение эмоций в его жизни и общении не вызывает сомнений. Вся его коммуникация / дискурсы / ситуации эмоциональны, а производимые им тексты эмотивны. Эмоции по-прежнему интересны науке, постоянно разрабатывающей новые аспекты и подходы к их изучению, в том числе и междисциплинарные, как в парадигме эмотивной лингвоэкологии [Шаховский 2016; Солодовникова 2019].

Как самостоятельная область научного поиска эмотивная лингвоэкология в настоящее время только обретает свои координаты и потому обращается к сведениям из других парадигм. Поскольку термин «экология» в гуманитарном переосмыслении всё чаще означает бережное отношение к кому-либо или чему-либо, а также здоровье [Шаховский, Солодовникова 2010; 2017], значимыми для эмотивной лингвоэкологии представляются следующие данные, полученные физиологами: 1) центральная нервная система человека, особенно головной мозг, развита значительно лучше, чем у всех остальных животных, и это позволило ему с помощью логики и интеллекта решить многие проблемы выживания, однако в межличностных отношениях мы руководствуемся больше эмоциями, чем надежными логическими решениями; 2) именно эмоция заставляет человека жертвовать жизнью ради родины, жениться по любви, совершать садистские преступления или вступать в духовный орден; 3) если он вообще пользуется при этом логикой, то лишь задним числом, чтобы придать разумное обоснование чисто эмоциональным стремлениям и эффективнее осуществлять их; 4) инстинкты и эмоции определяют ход жизни, а логика, направляемая разумом, – единственный способ удостовериться, что вы применяете лучшие средства и не сбились с пути; 5) бесстрастную логику используют только для того, чтобы вернее достичь эмоционально избранной цели; 6) *наши собственные положительные или отрицательные чувства приносят нам пользу или вред самым прямым путём, точно так же мы извлекаем пользу или приносим себе вред, возбуждая эти чувства в других людях* (выделено нами – *Н.С.*) (по [Селье 1979]).

А поскольку эмоции человека являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой [Шаховский 2019], считаем обоснованным развитие не только лингвоэкологии как отрасли языкознания, предметом изучения которой является «семиотическое здоровье» языка [Экология языка … . URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru], но и эмотивной лингвоэкологии – научной философии поведения – профилактической и терапевтической науки о поведении человека. Мы сами – часть природы и потому должны принять её правила. Этот кодекс совместим с любой религией, политической системой или философией и в то же время независим от них. Мы все дети природы и не ошибёмся, если будем следовать её общим законам в сочетании со своими личными идеалами и убеждениями. Пока человек не вредит другим, он вправе вести наиболее естественную для себя жизнь [Селье 1979].

Подобное мировоззрение, по нашему убеждению, позволяет обосновать эмотивный подход к лингвоэкологии. Он же помогает уточнить суть понятий экологичности, экологии эмоций, эмотивной лингвоэкологии и выдвинуть тезис об экологичности использования слов как защитных масок эмоций.

Поскольку эколингвистика, или лингвоэкология, сравнительно молодая область междисциплинарного знания и научного поиска, в отношении предмета которой нет единого мнения у её адептов [Сковородников 2014: 141], эмотивная лингвоэкология с благодарностью в значительной мере опирается на достижения двух парадигм: 1) лингвоэкологии [Экология языка… URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru], 2) эмотиологии [Шаховский 2019] и в некоторой степени, как показано выше, ориентирована на принципы физиологии [Селье 1979]. Здоровье человека зиждется на гармоничном взаимодействии органов его тела [Селье 1979], здоровье языка – на защите от негативных влияний и обогащении и развитии [Экология языка … URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru], а взаимоотношения и общение между людьми станут гармоничными, если эмоции обеспечат мирное сотрудничество и устранят все мотивы конфликтов, переворотов и войн [Шаховский 2016].

Потому одной из задач эмотивной лингвоэкологии считаем поиск таких форм общения, которые не причиняли бы вреда партнёрам по коммуникации. Одной из таких форм предлагаем считать эмоциональные маски.

Словари фиксируют переносное значение слова «маска» – «притворство». Ср.:

• *Носить маску* (также перен.: притворяться):

– Но самое трудное – необходимость постоянно носить маску. Вы будете выдавать себя за кого-то. И надо вести себя соответственно и ни на минуту не забывать, что вы та, за кого вы себя выдаёте (https://clck.ru/L6FuR).

• *Сбросить маску* (также перен.: прекратить притворство):

«Маска становилась все толще и толще. В конце концов она превратилась в крепость, окружившую меня бетоном». Не человек властелин маски, а она. Он уже не может её снять или поменять (https://www.chayka.org/node/5829).

• *Сорвать маску с кого-н.* (также перен.: разоблачить кого-н.):

Доктора, когда хотят казаться умными и красноречивыми, употребляют два латинских выражения: nominasuntodiosa и ultima ratio. Шелестов будет говорить не только по-латыни, но и по-французски и по-немецки – как угодно! Он будет выводить всех на чистую воду, срывать с интриганов маски; председатель утомится звонить, уважаемые товарищи повскакивают со своих мест, завопиют, замашут руками... (https://clck.ru/L6G5r).

• *Маска равнодушия* (притворный вид, видимость (какого-н. чувства, отношения; книжн.)):

Ведь это тоже своего рода расчёт: надел на себя человек маску равнодушия и лени, авось, мол, кто-нибудь подумает: вот человек, сколько талантов в себе загубил! А поглядеть попристальнее – и талантов-то в нём никаких нет [Тургенев 1974: 21].

Данное значение не является единственным. Маска – это не только притворство, но ещё и защита. Ср.: «Маски ведь и правда имеют защитную функцию, и срывать их бывает реально опасно. Опаснее, чем носить» ([Андрушко. URL: https://clck.ru/L6GEZ; Веди. URL: https://www.b17.ru/article/118132/]).

Однако чаще маска всё же ассоциируется с притворством, а не с защитой. Это противоречие снимается, если учесть, что притворство может являться формой (само)защиты. Природу маски проиллюстрируем ниже.

В своей сказке-метафоре «Маски» психолог А. Веди задаёт вопросы: «Вы ходите в маске? Вам нравится? Какие функции она даёт вам? Собираетесь снимать?». И комментирует: «Люди носят маски всегда и так к ним привыкли, что не знают себя истинных и настоящих».

Приведём фрагмент названной сказки. Он иллюстрирует сущностные свойства масок.

На одной из планет во Вселенной жили очень красивые и привлекательные люди. Они все были культурные, воспитанные, деликатные, вежливые, и в целом у них всё было хорошо и

позитивно, как они любили выражаться. Почти всегда улыбка не сходила с их прекрасных лиц. <…> Но однажды из космоса опустилась чёрная субстанция из мельчайшего песка. <…> Люди пытались прятаться в своих квартирах и домах, но безуспешно. Песок проникал повсюду. <…> И с людьми стало происходить невообразимое. Они почти в один миг превращались в уродливых и страшных чудовищ, потому что невыносимая боль искажала их лица до неузнаваемости, срывая натянутые маски. Они цеплялись за свои лица в натянутых масках, но песчаная субстанция была неумолима и кромсала в пыль всё наносное. Люди в ужасе отворачивались друг от друга и с отвращением уходили прочь, пытаясь сохранить своё лицо. <…> Оказывается, они всё время и всю свою жизнь ходили в масках, скрывающих эту боль и уродства. Когда-то, а они уже не помнили этого, близкие им люди причинили им боль, может, отвергли, может, обидели, и, подавив её, они надели маску, чтобы больше никогда не чувствовать её. <…> Но песчаная субстанция была беспощадна со всеми и со всех сняла эту мнимую защиту из маски. Кто остался в живых, со временем стал привыкать к своему уродству и безобразию окружающих, но это было действительно невыносимо. Мало кто остался в живых. А кто остался, стал привыкать жить с песчаной субстанцией и обнажённой, естественной своей внешностью, которая отражала внутреннее содержание личности, и смирился в итоге с существованием в жизни боли, уродства и несовершенства. И даже научился видеть красоту в безобразии и абсурде. Пропала необходимость носить маски, просто не стало нужно и всё [Веди. URL: https://www.b17.ru/article/118132/].

Обобщая, можно отметить, что маска – символ обмана, который очень искусно скрыт. Под внешней красотой часто скрывается уродство. Связанная с трансформацией, маска служит средством сокрытия преобразования. Эта сокровенность помогает «тому-что-есть» стать «тем-чем-хотелось-бы-быть» [Маска. URL: http://www.symbolarium.ru/index.php/Маска]. И приведённый текст также указывает на защитную функцию маски.

Но имеет ли под собой основание утверждение, что слово может стать маской эмоции? Что такая словесная маска защищает какие-то эмоции? Раскроем это через соотношение эмоций и слов.

Лингвистикой эмоций установлены следующие типы такого соотношения: 1) эмоция может испытываться и выражаться; 2) эмоция может не испытываться, но выражаться; 3) может испытываться одна эмоция, а выражаться другая [Шаховский 2019]. В приведённый перечень предлагаем внести тип 4): эмоция может испытываться, но не выражаться. В данной статье указанные типы переосмысляются в лингвоэкологическом аспекте: ниже подобное взаимодействие анализируется с позиций защитной функции слов, служащих масками для эмоций. Лингвоэкологическое переосмысление заключается в том, что оценивается значимость испытываемых и выражаемых эмоций с точки зрения их реального или потенциального вреда (и, «зеркально», их реальной или потенциальной пользы) для общающихся сторон. Вред и польза выражаемых эмоций оцениваются уже по-новому в терминах эмотивной лингвоэкологии, что предполагает соотнесение положительно- и отрицательнооценочных эмотивов с модусом экологичности / неэкологичности («здоровьем» / «нездоровьем») коммуникации.

Обращает на себя внимание тот факт, что все четыре типа соотношения эмоций и слов включают в себя только выражение эмоций, не принимая во внимание их называние и описание. Анализ только одного способа языкового обращения с эмоциями представляет собой лишь часть системного эмотивного анализа. Отдельно именно выражение эмоций ещё не было подвергнуто научному осмыслению в известных нам работах по лингвистике эмоций, поэтому остановимся на его описании более детально, поскольку, по нашему предположению, именно от выражения эмоций зависит возможность появления и использования эмоциональных масок.

Очевидно, что в первом случае речь идёт о выражении искренних эмоций. Второй, третий и четвёртый случаи объединяет то, что речь идёт либо о выражении неискренних эмоций, либо о «невыражении» искренних. По нашему мнению, именно здесь появляется пространство для эмоциональной маски. Эмоциональная маска – это сокрытие и / или замена отсутствующих или

реально испытываемых эмоций словами, выражающими иные эмоции. Через разработанное эмотиологией соотношение эмоций и слов в лингвоэкологическом аспекте могут быть переосмыслены мотивы обращения к эмоциональным маскам. Поскольку зона лингвоэкологической ответственности за собственные эмоции для говорящего начинается, по нашему убеждению, с их выражения, особого внимания заслуживают выраженные словами эмоции, как раз и формирующие то, что в данной статье предлагается называть эмоциональными масками.

Уточним, что речь не идёт о невербальном выражении эмоций. Вспомним в этой связи ставшие уже нарицательными лицо игрока в покер (ср.: *Ppppokerface, ppppokerface (LadyGaga))* или непроницаемое лицо японца (ср.: «В японской культуре веками вырабатывалось умение скрывать своё лицо, не обнаруживать на нём ни единого эмоционально-экспрессивного оттенка. Поэтому у всех японцев, на взгляд русского человека, лицо абсолютно спокойное и даже безмятежное. Это, скорее, неподвижная маска, чем лицо. Исследователи Японии пишут о двух лицах, имеющихся в распоряжении каждого японца: внешнее лицо и внутреннее лицо. «*Внешнее лицо – та самая маска, которую видит иностранец. Внутреннее лицо – это лицо для себя* (выделено нами. – *Н.С.*). Его обнаруживают зеркало в собственном доме и семейное окружение. Здесь можно не сдерживать эмоции, тщательно скрываемые за пределами семьи: на службе, на улице, в магазине…» [Какое лицо у Японца? URL: http://miuki.info/2011/04/kakoe-lico-u-yaponca/]). Признанными шедеврами отечественной публицистики, раскрывающими сложный дуализм японца, который носит улыбку на лице и плачет в душе, а вежливость речи которого доведена до уровня абстрактного искусства, считаются работы журналиста-международника В.В. Овчинникова [Овчинников 1971; 1983].

Особое значение в данном отношении, видимо, может приобрести умение, о котором поётся в песне «Любовь и одиночество» Л. Агутина: *За улыбками друзей я вижу слёзы….* Способность распознавать эмоции таковыми, какие они есть, называется Д. Гоулманом одной из составляющих эмоционального интеллекта [Goleman. URL: https://clck.ru/L6LKN].

Отдельного исследования, на наш взгляд, заслуживает вопрос, что сложнее выразить: наличие какой-либо эмоции или её отсутствие.

Известно мнение, что невербалика превосходит вербалику с точки зрения потенциала саморазоблачения. Тело – это совокупность тысячи фильтров, выдающих истинные эмоции человека [Morris 1994; The Desmond Morris Information Page. URL: https://www.desmond-morris.com; The Human Animal. Ep. 1. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7qUKiHZbVwc].

Стоит присмотреться попристальнее, повнимательнее понаблюдать, и тонкие невербальные признаки о многом расскажут. Вербалика в этом смысле изобретательнее: можно выбрать подходящее стилистическое средство или просто промолчать. Однако, как гласит истина, человек учится говорить пять лет, а молчать всю оставшуюся жизнь. Молчать всё время не получается, приходится разговаривать, а значит, в целом ряде ситуаций балансировать между саморазоблачением (иногда мы этого не боимся) и эмоциональными масками. Всё зависит от коммуникативной эмоциональной ситуации. В некоторых ситуациях мы вынуждены носить маску (например, с начальством), в некоторых хотим этого сами (например, ради развлечения или игры), в некоторых не боимся снять её (например, в дневнике) и т.п.

Для иллюстрации того, как слова становятся масками эмоций, приведём пример текста, получившего широкую известность в Интернете.

Рис.

В указанном выше смысле такой текст показателен: на переднем плане то, что мы обычно произносим (слово маска), а на заднем – то, что мы в действительности чувствуем, но предпочитаем скрывать (эмоции).

В качестве отступления уточним, почему разработанный профессором В.И. Шаховским метод эмотивного анализа позволяет лингвисту декодировать истинные сокрытые эмоции. Этот метод действительно устанавливает статус эмоции в семантике слова. Поскольку эмоция переживается индивидуально, а её оттенки могут быть практически неуловимыми, её можно назвать по-настоящему тонкой субстанцией. То, что её внешний выразительный компонент социален, делает какое-либо «измерение» эмоции хотя и сложной, но осуществимой задачей. А разработанные для этого критерии оценки объёма эмоции в структуре лексического значения слова обеспечивают надёжность данного метода. Наукоёмкость метода эмотивного анализа подтверждается тем, что словари позволяют перепроверить эмотивные и стилистические коннотации слов, а контексты их употребления ограничивают реализуемые значения и смыслы. Поэтому считаем возможным подчёркивать методологическую значимость эмотиологии для лингвоэкологии: от словесного выражения «здоровых» / «нездоровых» эмоций зависит такое качество коммуникации, как экологичность. В рамках данной статьи мы не приводим детальной аргументации того, что такое экологическая функция и экология эмоций, но отдельно рассуждаем об этом в других своих работах, которые цитировались выше.

Лексические эмотивы выступают защитными масками для определённых эмоций, которые испытываются, но не выражаются. Уточним, из каких выраженных вербально эмоций могут состоять эмоциональные маски. Для этого вернёмся к анализу приведённого текста.

В данном тексте не выражаются, но испытываются такие эмоции, как *боль, обида, усталость, апатия, отчаяние, тревога, раздражение, страх, гнев, безразличие*. И *HomoSentiens*, тонко чувствующий человек, проходит через все эти стадии, сквозь этот неприятный и плохо сказывающийся на его экологии [Колосова (Солодовникова) 2016] кластер отрицательных эмоций.

В приведённом тексте есть все типы эмотивов: и аффективы, например, *хреново*; и коннотативы (их больше всего), например, *одиноко, плохо, безнадёжно, в тупике, предали, на грани слёз, холод на душе, раздавлен, чувствую, что развалюсь в любой момент, побеждённый*; и потенциативы, например, *усталость от всего, депрессия, тревога, раздражение, пустота.*

И на все эти неэкологичные эмоции надевается маска из слова *отлично*, выражающего несуществующие *радость, восторг, энтузиазм*, что позволяет скрыть пульсирующий внутри кластер оттенков боли. Эта маска уверенности / напускной весёлости прикрывает страдание. Люди часто предпочитают надевать маску успешности, чтобы скрыть свою уязвимость.

Что касается эмотивов, формирующих маску, очевидно, что существует определённая градация между ними: потенциативы слабее коннотативов, а те, в свою очередь, – слабее аффективов. Однако в контексте может быть их реверсия и контаминация. Очевидно, что маска

также демонстрирует преувеличение или преуменьшение эмоции в плане выражения. То же утверждение о градуальности справедливо и в отношении лексики называния, описания и выражения эмоций.

Слова «надеваются» на эмоции, вербализуясь, эмоции «прячутся» за масками слов, видеть эмоции приходится как раз через посредство слов. Потому-то язык – ключ к эмоциям.

Мы не всегда в маске (ср.: Г. Отс: *Всегда быть в маске судьба моя…*).

Данная философия раскрывается, например, в тексте песни «Арлекин» А. Пугачёвой.

Приведём эмотивный анализ текста данной песни, который представляет собой своеобразный рассказ о том, как этому герою приходится надевать маску в силу его профессии. Названия эмоций выделены подчёркиванием. Названные эмоции представляют из себя эмоциональные доминанты, каждая из которых может быть раскрыта в кластере эмоций, названия которых выступают оттенками доминанты.

По острым иглам яркого огня / Бегу, бегу – дорогам нет конца (усталость). */ Огромный мир замкнулся для меня / В арены круг и маску без лица* (безысходность). */ Я – шут, я – Арлекин, я – просто смех, / Без имени и, в общем, без судьбы* (горечь). */ Какое, право, дело вам до тех, / Над кем пришли повеселиться вы* (разочарование). */ Ах, Арлекино, Арлекино, / Нужно быть смешным для всех. / Арлекино, Арлекино, / Есть одна награда – смех* (тоска)*! / Выходят на арену силачи, / Не ведая, что в жизни есть печаль* (досада). */ Они подковы гнут, как калачи, / И цепи рвут движением плеча. / И рукоплещет восхищённый зал, / И на арену к ним летят цветы. / Для них играет туш, горят глаза, / А мною заполняют перерыв* (грусть). */ Ах, Арлекино, Арлекино, / Нужно быть смешным для всех. / Арлекино, Арлекино, / Есть одна награда – смех! / Смешить вас мне с годами всё трудней, / Ведь я – не шут у трона короля. / Я Гамлета в безумии страстей / Который год играю для себя* (отчаяние). */ Всё кажется: вот маску я сниму, / И этот мир изменится со мной, / Но слёз моих не видно никому. / Ну что ж, Арлекин я, видно, не плохой* (печаль). */ Ах, Арлекино, Арлекино, / Нужно быть смешным для всех. / Арлекино, Арлекино, / Есть одна награда – смех! / Ах, Арлекино, Арлекино, / Нужно быть смешным для всех. / Арлекино, Арлекино, / Есть одна награда – смех!*

В данном тексте, который выстроен как монолог самого Арлекино, представлен следующий кластер его эмоций: *усталость, безысходность, горечь, разочарование, тоска, досада, грусть, отчаяние, печаль, боль* и др. Всё это, однако, герою приходится скрывать за маской веселья.

Подобраться к эмоции («заглянуть под маску») лингвисту удаётся через эмотивную семантику слова, которое всегда будет стоять между исследователем и истинной испытываемой эмоций объекта его внимания – человека чувствующего, HomoSentiens.

Язык, таким образом, и «огрубляет» эмоцию, и позволяет (де)кодировать её в семантике слов.

Тем фактом, что эмоция испытывается индивидуально, но её внешний, выразительный, компонент социален, объясняется и возможность передачи эмоции на данном языке, и возможность эмоционального понимания / понимания эмоционального.

Таким образом, слова – это «маски» для эмоций, которые, однако, можно «дешифровать» через анализ эмотивной ткани выражающих их текстов.

Подводя предварительный итог, отметим, что маски имеют много функций. В рамках данной статьи мы более подробно остановились на описании защитной функции. Иначе её можно назвать адаптивной функцией, функцией самосохранения. HomoSentiens выбирает различные формы / маски в зависимости от тех коммуникативных сред, в которые попадает. Это обусловлено тем, что общество может быть эмоционально агрессивным, а человек должен заботиться о своей экологии и экологии другого.

И одним из экологичных лингвистических способов обращения с собственными эмоциями и эмоциями другого человека является, по нашему мнению, использование эмоциональных масок. Слова действительно в какой-то мере защищают некоторые из эмоций. Не все эмоции человек хочет сделать доступными восприятию другого, не все дóлжно вербализовать (вспомним в этой

связи стихотворные строки Ф. Тютчева: *Молчи, скрывайся и таи / И чувства и мечты свои – / Пускай в душевной глубине / Встают и заходят оне / Безмолвно, как звёзды в ночи, / – Любуйся ими – и молчи*). Выбирая соответствующую стилистику или тип используемой эмотивной лексики, человек может варьировать демонстрацию / выражение / проявление организованных эмоций, «защищая» их от другого «надеваемыми» на них словами. Защитный потенциал слов как масок эмоций представляется нам перспективной темой дальнейшего исследования в контексте избираемых общающимися способов экологизации себя и другого в коммуникации.

В качестве заключения и предварительных итогов отметим, что мотивация обращения к эмоциональным маскам в общении вполне прозрачна. Мы также хотели бы подчеркнуть право общающихся на выбор эмоциональных масок. Уточним, что природа эмоций реактивна (мы не виноваты в том, что чувствуем), но зона лингвоэкологической ответственности общающихся в эмоциональных ситуациях начинается именно на уровне выражения эмоций, и потому, в частности, нужно особенно внимательно относиться к выбору лексических эмотивов. Мы также допускаем, что в целом ряде контекстов основной функцией маски является не притворство, а защита. И предлагаем считать использование эмоциональных масок лингвоэкологичной формой общения.

Литература

Наталия Андрушко [Электронный ресурс] // Психологи на b17.ru. URL: https://www.b17.ru/natalia_andrushko/17.ru/na talia_andrushko/ (дата обращения: 15.08.2019).

Веди А. Сказка-метафора «Маски». [Электронный ресурс]. URL: https://www.b17.ru/article/118132/ (дата обращения: 15.08.2019).

Какое лицо у японца? [Электронный ресурс]. URL: http://miuki.info/2011/04/kakoe-lico-u-yaponca/ (дата обращения: 14.08.2019).

Колосова (Солодовникова) Н.Г. Экологичность коммуникативного стиля homo sentiens (на материале текстов рекламы компании «SPLAT») // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2016. № 1. С. 153–158.

Маска [Электронный ресурс]. URL: http://www.symbolarium.ru/index.php/Маска (дата обращения: 14.08.2019).

Овчинников В.В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971. 224 с.

Овчинников В.В. Сакура и дуб: впечатления и размышления о японцах и англичанах. М.: Советская Россия, 1983. 429 с.

Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979. 126 с.

Сковородников А.П. К философским основаниям предметной области эколингвистики [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 140–161. URL: https://clck.ru/LGBnN (дата обращения: 14.08.2019).

Солодовникова Н.Г. От эмотивной лингвистики к эмотивной лингвоэкологии: динамический аспект // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2019. № 2. С. 237–240.

Тургенев И.С. Рудин. Дворянское гнездо. М.: Худож. лит., 1974. 303 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград: Издательство ИП Поликарпов И.Л., 2016. 504 с.

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: URSS. 2019. 206 с.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвоэкология: объект, предмет и задачи // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2010. № 1 (31). С. 22–29.

Шаховский В.И., Солодовникова Н.Г. Лингвистика эмоций. Обзор журнала «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика» (2015. № 1) // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 108–111.

Экология языка и коммуникативная практика. [Электронный ресурс] // URL: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru (дата обращения: 25.08.2019).

Daniel Goleman Introduces Emotional Intelligence [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=Y7m9eNoB3NU (дата обращения: 25.08.2019).

Haefliger S. Working with emotional intelligence. Author Daniel Goleman. Bantam books, 1998. Book review for UNI HEC MBA. Human resources management course. Prof. Stephane Haefliger. [Электронный ресурс]. URL: http://www.stephanehaefliger.com/campus/biblio/017/17_39.pdf (дата обращения: 25.08.2019).

Morris D. The Human Animal. London: BBC Books, 1994. 224 p.

The Desmond Morris Information Page [Электронный ресурс]. URL: https://www.desmond-morris.com (дата обращения: 15.08.2019).

The Human Animal. Ep. 1. [Электронный ресурс] // URL: https://www.youtube.com/watch?v=7qUKiHZbVwc (дата обращения: 14.08.2019).

References

Nataliya Andrushko. *Psihologi na b17.ru*. Available at: https://www.b17.ru/natalia_andrushko/17.ru/natalia_andrushko/ [accessed 15.08.2019].

Vedi A. Skazka-metafora "Maski" [The tale-metaphor "Masks"]. Available at: https://www.b17.ru/article/118132/ [accessed 15.08.2019].

Kakoelitso u yapontsa? [What is a Japanese face?]. Available at: http://miuki.info/2011/04/kakoe-lico-u-yaponca/ [accessed 14.08.2019].

Kolosova (Solodovnikova) N.G. Ekologichnost' kommunikativnogo stilya homo sentiens (na material tekstov reklamy kompanii «SPLAT») [Ecology of the communicative style of homo sentiens (based on the advertising texts by SPLAT)]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauk*, 2016, no 1, pp. 153–158.

Maska [Mask]. Available at: http://www.symbolarium.ru/index.php/Maska [accessed: 14.08.2019].

Ovchinnikov V.V. Vetkasakury [Sakura branch]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1971. 224 p.

Ovchinnikov V.V. Sakura i dub: vpechatleniya I razmyshleniya o yapontsakh I anglichanakh [Sakura and oak: the impression and reflections about the Japanese and British]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1983. 429 p.

Sel'e G. Stress bez distressa [Stress without distress]. Moscow, Progress Publ., 1979. 126 p.

Skovorodnikov A.P. K filosofskim osnovaniyam predmetnoy oblasti ekolingvistiki [On the philosophical foundations of the subject area of ecolinguistics]. *Ecology of Language and Communicative Practice*, 2014, no 2, pp. 140–161. Available at: https://clck.ru/LGBnN [accessed 14.08.2019].

Solodovnikova N.G. Ot emotivnoy lingvistiki k emotivnoy lingvoekologii: dinamicheskiy aspect [From emotive linguistics to linguistic ecology: dynamic aspect]. *Izvestiya VGPU. Filologicheskie nauki*, 2019, no 2 (135), pp. 237–240.

Turgenev I.S. Rudin. Dvoryanskoegnezdo [Rudin. Noble nest]. Moscow, Khudozh. lit. Publ., 1974. 303 p.

Shakhovskiy V.I. Lingvisticheskaya teoriya emotsiy [Linguistic Theory of Emotions]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 416 p.

Shakhovskiy V.I. Dissonans ekologichnosti v kommunikativnom kruge: chelovek, yazyk, emotsii [Dissonance of Ecology in the communicative circle: people, language, emotions]. Volgograd, IP Polikarpov I.L. Publ., 2016. 504 p.

Shakhovskiy V.I. Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Moscow, URSS Publ., 2019. 206 p.

Shakhovskiy V.I., Solodovnikova N.G. Lingvoekologiya: ob’ekt, predmet I zadachi [Linguoecology: object, subject and tasks]. *Russkiyyazyk, literatura, kul'tura v shkole I vuze*, 2010, no 1 (31), pp. 22–29.

Shakhovskiy V.I., Solodovnikova N.G. Lingvistika emotsiy. Obzor zhurnala "Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika" (2015. No 1) [Linguistics of emotions. Review of "Russian Journal of Linguistics" (2015. No. 1). World of Russian Words]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika*, 2017, no 2, pp. 108–111.

Ekologiya yazyka I kommunikativnaya praktika [Ecology of Language and Communicative Practice]. Available at: http://ecoling.sfu-kras.ru/?page_id=6&lang=ru [accessed: 25.08.2019].

Daniel Goleman Introduces Emotional Intelligence. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=Y7m9eNoB3NU [accessed: 25.08.2019].

Haefliger S. Working with emotional intelligence. Author Daniel Goleman. Bantam books, 1998. Book review for UNI HEC MBA. Human resources management course. Prof. Stephane Haefliger. Available at: http://www.stephanehaefliger.com/campus/biblio/017/17_39.pdf [accessed: 25.08.2019].

Morris D. The Human Animal. London, BBC Books Publ., 1994. 224 p.

The Desmond Morris Information Page. Available at: https://www.desmond-morris.com [accessed: 15.08.2019].

The Human Animal. Ep. 1. Available at: https://www.youtube.com/watch?v=7qUKiHZbVwc [accessed: 14.08.2019].

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Солодовникова Наталия Геннадиевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры языкознания
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
Россия, 400066, Волгоград, пр. Ленина, 27
E-mail: tommyboy22@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Solodovnikova Natalia Gennadievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Linguistics
Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin avenue, Volgograd 400066 Russia
E-mail: tommyboy22@mail.ru